

VI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

І ю н ъ.

220) Стихотворения Петра Штаверъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Эдуарда Праца. 1845. Въ 12-ю д. л. 42 стр.

Г. Петръ Штаверъ—извините нашу неспрошность—долженъ быть молодой, даже очень-молодой человекъ — можетъ-быть, не старше пятнадцати лѣтъ... Въ этомъ увѣрились мы чрезъ впечатлѣніе, которое произвело на насъ чтеніе его стихотвореній. Намъ даже очень хочется, чтобъ автору было никакъ не больше пятнадцати лѣтъ, потому-что, въ такомъ случаѣ, мы имѣли бы удовольствіе признать въ его стихотвореніяхъ нѣчто въ родѣ таланта, чувства, и если не мысли, то стремленія къ мысли, — а это не шуточное дѣло! Но что жь тутъ до лѣтъ, какая нужда въ метричкѣ автора, когда его стихотворенія сами за себя говорятъ?.. Метрика иногда много значить не въ однихъ вопросахъ о званіи и наследствѣ, но и въ вопросахъ искусства и

науки. Если двадцатилѣтній малой, наметавшійся въ лавкѣ, ловко и скоро сводитъ счеты, складываетъ и вычитаетъ, множить и дѣлить, принимаетъ и сдаетъ, — тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, нѣтъ рѣчи ни о гении, ни о талантѣ: тутъ только способность, развитая навыкомъ и рутинною. Но когда семилѣтній ребенокъ, который имѣетъ полное право не знать счета дальше десяти, но который, не смотря на то, по пальцамъ и простымъ соображеніемъ умѣетъ расчесть сумму, на-прим., во сто рублей серебромъ, складывая, вычитая, множа и дѣля, тогда, если вы и не увидите въ немъ гениа математика, то все-таки подивитесь въ немъ необыкновенной природной способности. Выйдетъ ли со-временемъ изъ этого мальчюшка замѣчательный математикъ, или ничего изъ него не выйдетъ—это другой вопросъ. Фактъ доказанный, что иногда изъ дѣтей, ничего-необъ-

щающихъ, выходятъ гениальные люди, а изъ гениальныхъ дѣтей дюжинные люди; но мы не будемъ распространяться объ этомъ, чтобъ не уклониться отъ главнаго предмета нашей рѣчи. Известно, что, имѣя болѣе или менѣе вѣрный слухъ, черезъ ученіе и упражненіе, можно сдѣлаться не только сноснымъ музыкантомъ, но даже и сочинять кой-какія фантазійки: обыкновенно до этого доходятъ уже въ лѣта возмужалости, при охотѣ къ музыкѣ, при знакомствѣ со множествомъ музыкальныхъ произведеній. Но это еще не значитъ быть ни музыкантомъ-артистомъ, ни композиторомъ-художникомъ. Когда же семилѣтнее, или, еще болѣе-малолѣтнее дитя, обнаруживаетъ способность запомнить и вѣрно пропѣть всякую музыкальную пьесу, какую удастся ему услышать: въ этомъ дитяти, конечно, еще нельзя навѣрное увидѣть будущаго Моцарта, или будущаго Листа, но по-крайней-мѣрѣ на его счетъ простиительно ошибиться въ такихъ не умѣренныхъ надеждахъ. То же можно сказать о значеніи метрики въ-отношеніи къ поэзіи. Умѣнье писать стихи — конечно, еще не талантъ, но все же способность; этою способностью владѣетъ многое-множество людей, и она-то заставляетъ многихъ изъ нихъ видѣть въ себѣ талантъ поэтическій. И вотъ, когда такой, владѣющій способностью стихотворства человекъ поначитается разныхъ поэтовъ, пообразуется, поучится, то, въ извѣстныхъ лѣта, ему ничего не стоитъ перекладывать въ гладкіе и звучные стихи чужія чувства, чужія мысли, да еще такъ ловко, что вы самъ оиъ, ни другіе не подозреваютъ въ немъ вороны въ павлиньихъ перьяхъ. Въ наше время, чувство и мыслю — ни-по-чему. Не говоря уже о другихъ поэтахъ, довольно имѣть Пушкина и Лермонтова, чтобъ владѣть неисчерпаемымъ источникомъ вдохновенія. Возьмите любой стихъ изъ того или другаго — и вотъ вамъ поэма, на которую потанутся у васъ нескончаемыя варьяны... Но варьировать такимъ-образомъ на чужія чувства,

и мысли можетъ только человекъ возмужалый, развитійся; безбородый же юноша, тѣмъ болѣе отрокъ, никогда не сзумѣетъ не фальшива пѣть съ чужаго голоса. Его стихъ будетъ неуклюжъ, а заимствованныя чувства и мысли оиъ непремѣнно исказитъ, изуродуетъ. И потому, если въ стихахъ слишкомъ-молодаго человека замѣтно что-то въ родѣ оригинальности, чувства и мысли, — явный знакъ, что у него есть талантъ. Даже его неумѣнье сладить съ непокорнымъ языкомъ, съ упрямымъ стихомъ, — не только не портитъ дѣла, но еще придаетъ ему ту прелесть, которую такъ исполненъ несвязный лепетъ младенца.

Намъ показалось (и мы были бы рады, еслибъ послѣдствія доказали, что мы не ошиблись въ этомъ случаѣ), намъ показалось, что стихотворенія г. Штавера носятъ на себѣ всѣ признаки ранней молодости, при условіи которой въ нихъ нельзя не признать дарованія. Не беремса опредѣлять степень этого дарованія, ни предсказывать границы его развитія, потому-что неопредѣленность составляетъ главный характеръ слишкомъ-юныхъ дарованій. Они могутъ развиться — и могутъ исчезнуть, не даръ цѣфта. Въ нихъ не должно видѣть что-то непремѣнно великое въ будущемъ. Стихотворенія Пушкина-ребенка были довольно-плохи, и по нимъ трудно было бы въ то время признать въ немъ будущаго великаго поэта. И такъ, говоря о стихотвореніяхъ г. Штавера, ограничимса настоящимъ, не забывая въ будущее, будемъ говорить о томъ, что есть, не говоря о томъ, что можетъ быть и можетъ не быть.

Всѣ стихотворенія г. Штавера довольно-слабы, и еслибъ мы не предположили ихъ автора очень-молодымъ, не стоило бы труда и говорить о нихъ. Но что въ опытахъ возмужалаго человека поражаетъ слабостью таланта, или просто посредственностью, которая хуже бездарности, — то самое въ опытахъ слишкомъ-молодаго человека можетъ быть признакомъ таланта и способно-

но, еще неовладѣвшаго собственною силою. Намъ кажется, что нельзя не видѣть этого, на-прим., вотъ хоть въ вѣстѣ г. Штавера — *На Кладбищѣ*:

Солнце яркое сіяетъ
Надъ кладбищемъ межъ вѣтвей
И могилы обливаетъ
Свѣтомъ радужныхъ лучей.

Вѣтеръ листья чуть колышетъ,
Пробираясь межъ крестовъ
И прохладой легкой дышетъ
На обитель мертвецовъ.

Сномъ спокойнымъ, непробуднымъ
Люди, страсти, — все здѣсь снятъ,
Все путемъ тяжелымъ, труднымъ
На покой сюда спѣшить.

Но и здѣсь есть жизнь, движенье...
Слышенъ шорохъ межъ кустовъ,
Слышно чье-то приближенье,
Слышенъ говоръ голосовъ.

Видны двоя: то тропю
Чуть замѣтно идуть,
То, склонившись надъ плитою,
Тиво рѣчь они ведутъ.

И въ очахъ любовь сіяетъ!
Такъ и здѣсь любовь живетъ?
Такъ ей не отгоняетъ
Мертвецовъ безстрастныхъ ледъ?

Да, и здѣсь такъ вѣжны взоры
И лобзанья на устахъ,
Полны чувства разговоры
И разлуки тотъ же страхъ!

Тамъ, гдѣ смерть, восторгомъ бьются
Увоенныя сердца
И слова любви несутся
Надъ жилищемъ мертвеца!

Такъ и въ жизни: часто слезы
Зачѣпляетъ радость вновь!
Какъ межъ терніями розы,
Межъ могилами любовь!

Въ этомъ стихотвореніи есть что-то похожее на поэтическое чувство, даже на поэтическую мысль; стихъ не чуждъ жизни, хотя и бѣденъ изяществомъ и точностью выраженія. И отъ всего этого вѣстѣ чѣмъ-то мило-дѣтскимъ! Даже стихи:

Такъ ее не отгоняетъ
Мертвецовъ безстрастныхъ ледъ, —
даже эти стихи, возбуждая въ читателѣ улыбку, не уничтожаютъ въ немъ, благосклонной готовности одобрить пьесу. Но самымъ характеристическимъ стихотвореніемъ въ книжкѣ г. Штавера надо признать *Желаніе*:

Я не хочу, чтобъ всѣ меня любили,
Я не хочу вездѣ встрѣчать друзей,
Хочу, чтобы враги меня язвили
Безсильной злобою своею!

Пусть возрастаетъ! Я каждый шагъ побѣднѣй
Готовъ свою кровью залить!
Пусть упаду измученный и блѣдный,
Но только прежде побѣдить!

Пусть за моею побѣдной колесницей
Всегда слѣдитъ толпа враговъ моихъ:
Я понесусь полъ небо вольной птицей, —
И хоръ завистниковъ затихъ!

Но не для славы жажду я боренья,
А потому, что для моей души
Потребны страсти, бури и волненья,
Чтобы не замереть въ тиши.

Въ горнилѣ стали сильнѣе закалится,
Въ страданьяхъ — грудь всю силу обрѣтетъ;
Вода чиста, доколь она струится,
Въ покоѣ тишой зарастетъ.

Крѣпись, душа! Познай свое значенье,
Познай себя, познай свою всю мочь,
И ты поймешь, что сладостно мученье,
Когда есть сила превозмочь!

И скажешь ты: «за тѣмъ даны страданья,

«Чтобъ согрѣвать остывшія сердца,
«И назначенье жизни не мечталье,
«А дѣятельность мудреца.

«Мечта, — ты скажешь, — дѣтская забава,
«Занятыя мужа истиннаго — трудъ!
«Не за мечты дается въ мирѣ слава,
«Ее страданьями берутъ!»

Будь это стихотвореніе написано взрослымъ человѣкомъ, — оно было бы плохо въ эстетическомъ отношеніи, особенно въ отношеніи къ стиху, и

было бы довольно-пошлымъ фразёрствомъ, исполненнымъ претензій и жалкаго самолюбія, въ нравственномъ отношеніи. Но какъ стихотвореніе существа, еще колеблющагося на переходѣ отъ отрочества къ юности,—оно очень-замѣчательно. Въ стихѣ, которымъ оно написано, необработаннымъ, невыдержаннымъ, есть сила и размахъ; въ чувствѣ, которымъ оно согрѣто, есть жизнь и жаръ; въ мысли, которую оно проникнуто, есть достоинство и благородство, именно потому, что это—дѣтская мысль.

Вотъ что сказали бы мы г. Штаверу, если бы онъ захотѣлъ насъ послушать:

Жаль, любезный поэтъ, что вы поторопились издать въ свѣтъ книжку первыхъ своихъ опытовъ, безъ которой публика легко могла бы обойтись, и не подождали болѣе-зрѣлыхъ своихъ проведеній, которые для всѣхъ были бы интереснѣе. Но дѣло сдѣлано, и да проститъ васъ за него Богъ! Но впередъ не торопитесь ни писать, ни печататься, особенно — печататься... Если у васъ есть талантъ, и призваніе ваше велико въ будущемъ, — успѣете написать и напечататься; если же это окажется не болѣе, какъ кипѣніемъ крови и избыткомъ силъ, — ваша преждевременная книжка будетъ вамъ досадна, какъ грѣхъ юности, какъ ошибка самолюбія. Но намъ пріятнѣе думать, что у васъ есть сѣмя таланта, которое со-временемъ можетъ вырости и развиться. Приготовьте себя къ этому, и не погубите сѣмени. Въ наше время, поэтъ, какъ поэтъ, не можетъ обѣщать себѣ великаго успѣха, потому что наше время отъ каждаго, — слѣдовательно, и отъ поэта — требуетъ, чтобъ онъ прежде всего и больше всего былъ—человѣкомъ. Не заботьтесь же о себѣ, какъ о поэтѣ, и воспитывайте въ себѣ человѣка. Не говорите, что вы не хотите, чтобъ васъ всѣ любили, что вы не хотите всадъ встрѣчать друзей, и жаждете имѣть враговъ: это чувство ложное и парадное, которое извиняется только его юностію. Не покупайте любя лю-

дей мнѣною истинѣю, уклончивостію и низостію; но и не позволяйте себѣ не дорожить ею или презирать ее: любовь ближнихъ, законно и разумно приобретаемая,—благо, которое выше всѣхъ благъ. Вѣрьте, что люди совѣтъ не такъ хороши, и совѣтъ не такъ дурны, какъ дѣлаютъ ихъ фантазія поэтотъ, которые то любить въ нихъ восхищаться собственною своею особою, то позволяютъ себѣ вымещать на нихъ свои недостатки, или раны своего самолюбія, клейма ихъ презрѣніемъ. Вообще, люди, по своей натурѣ, болѣе хороши, нежели дурны, и не натура, а воспитаніе, нужда, ложная общественная жизнь—дѣлаютъ ихъ дурными. Почти во всякомъ изъ нихъ, даже въ самомъ дурномъ, есть своя прекрасная, человѣческая сторона, только трудно подсмотрѣть и открыть ее. Последнее составляетъ благороднѣйшую миссію поэта: ему принадлежитъ по праву оправданіе благородной человѣческой природы, такъ же, какъ ему же принадлежитъ по праву преслѣдованіе ложныхъ и неразумныхъ основъ общественности, искажающей человѣка, дѣлающей его иногда злымъ, а чаще всего безчувственнымъ и безсильнымъ животнымъ. Люди — братья другъ другу, хотя неразумность ихъ отношеній и дѣлаетъ ихъ естественными врагами. Благородно, велико и свято призваніе поэта, который хочетъ быть провозвѣстникомъ братства людей! Имѣть враговъ... источникъ этого желанія заключается въ эгоизмѣ и самолюбивой увѣренности быть лучше и выше всѣхъ людей: чувство жалкое и ничтожное, которое никогда не породитъ высокаго поэтическаго созданія! Побѣдить врага пріятно: объ этомъ ни слова,—однакомъ врага, котораго мы не вызывали, а который самъ назвался на вражду; но еще пріятнѣе сдѣлать себѣ врагомъ: это лучшая изъ побѣдъ! Человѣкъ имѣетъ право ненавидѣть въ другомъ ложь и порокъ, но человѣкъ не имѣетъ права ненавидѣть человѣка, подъ опасеніемъ ужаснѣйшаго изъ наказаній—дерзнуть

быть человекѣмъ. Имѣть враговъ своей мысли, своему убѣжденію и бороться съ ними до послѣднихъ силъ, — въ этомъ есть свое величіе, своя прекрасная сторона; но ничего имѣть хуже, чѣмъ имѣть личныхъ враговъ: этого никто не пожелаетъ себѣ, и высочайшее несчастіе для человекѣа — посвятить сердцу своему личную вражду къ человекѣу: это болѣзнь, манія, почти сумасшествіе, отъ котораго надо лечиться. Бѣднѣе на побѣдной колесницѣ, конечно, пріятно; но только тогда, когда, вмѣстѣ съ вами, торжествуетъ правое дѣло; иначе вы — Маріи или Силы, которые купались въ крови безсильныхъ враговъ... Чтѣ жъ тутъ хорошаго? Но вы, любезный поэтъ, юверите въ свое оправданіе:

Но не для славы жажду я боренья,
А потому, что для моей души
Потребны страсти, бури и волненья,

Чтобы не замереть въ тиши.

Въ горнилахъ сталъ сильнѣе закалялся,
Въ страданьяхъ—грудь всю силу обрѣ-
теть;

Вода чиста, доколь она струится,
Въ покоѣ—тиной зарастетъ!

Прекрасно! но чтѣ бы вы сказали о человекѣ, который для того, чтобѣ его члены и мускулы не ослабли въ бездѣлствіи и неподвижности, пошелъ бы во улицѣ, да и ну колотить встрѣчнаго в поперечнаго?.. Не правда ли, это смѣшно?.. Нѣтъ, любезный поэтъ, не заботьтесь о врагахъ и страданіяхъ; напротивъ, употребляйте всѣ силы избѣгать ихъ, потому-что враги и страданья авятся сами — ихъ никто не избѣгалъ. Обратите прежде всего вниманіе на самого-себя, и постарайтесь познакомиться, сблизиться и разумно подружиться съ самимъ-собою, чтобѣ со-временемъ не найдти въ себѣ собственнаго своего врага, — а это самый опасный, самый жестокий изъ враговъ! Не любите себѣ и будьте съ собою строги, чтобѣ найдти въ себѣ друга разумаго и честнаго, а не предателя коварнаго. Тогда одержите вы самую великую и блестя-

щую побѣду надъ злѣйшими изъ враговъ своихъ: это побѣда! Она будетъ стоить много труда и большой борьбы, которая не дастъ вамъ замереть въ тиши... Но это еще не все, чтобѣ спастись отъ душевнаго застоя, отъ нравственной апатіи: передъ вами жизнь и міръ — полюбите ихъ и наслаждайтесь ими! Для этого также нужны трудъ и борьба. Жизнь, природа, человекѣкъ, человекѣчество, наука, искусство — какое обширное, великое, безконечное поприще для борьбы благородной, для упражненія юныхъ и свѣжихъ силъ! Зачѣмъ тутъ враги, и безъ нихъ много дѣла! Зачѣмъ говорить:

Пусть за моей побѣдной колесницей
Всегда слѣдитъ толпа враговъ моихъ:
Я понесусь на небо вольной птицей, —
И хоръ завистниковъ затихъ?..

Въ небѣ, т. е. въ верхнихъ слояхъ атмосферы, пусто и холодно, и человекѣу хорошо только съ людьми — въ тѣснотѣ люди живутъ... Только гордость, основанная на самолюбіи и эгоизмѣ — одинъ изъ самыхъ губельныхъ пороковъ, — только гордость гонитъ человекѣа изъ общества ближнихъ его, и стремится его на пустую и холодную высоту, откуда онъ находитъ жалкое наслажденіе видѣть подѣ собою «хоръ завистниковъ». Сказать: я имѣю завистниковъ, — не значитъ ли это: какой я замѣчательный человекѣкъ! Обрадоваться числу своихъ завистниковъ, — не значитъ ли это обнаружить то мелкое и пошлое чувство, которое свойственно только маленькимъ великимъ людямъ — этимъ каррикатурамъ на великихъ людей? Нѣтъ, истинно-хорошему, дѣльному человекѣу, горько имѣть завистниковъ; для него это — несчастіе. Онъ хочетъ имѣть таланты и достоинства, хочетъ много знать, много смѣть и много мочь, но не для потѣхи своего самолюбія, не для жалкаго удовольствія пріобрѣсть враговъ и завистниковъ, а для разумаго и законнаго наслажденія жизнью, по-

тому, что чѣмъ болѣе онъ имѣетъ, знаетъ, смѣетъ и можетъ, — тѣмъ болѣе лѣтъ жить. Его никогда не порадуешь, но всегда огорчить ничтожество окружающихъ его людей, — и для него было бы величайшимъ блаженствомъ дать имъ еще больше, нежели сколько онъ самъ имѣетъ, поднять ихъ еще выше самого-себя. Благородная душа, исполненная великодушныхъ стремленій, не терпитъ вокругъ себя ни рабовъ, ни угодниковъ, ни хвалителей, ни льстецовъ; ей тѣсно и душно среди этихъ искаженныхъ существъ, и она можетъ дышать свободно только среди братьевъ, связанныхъ съ нею узами симпатіи ко всему разумному и человѣческому. Для нея жизнь — богатая и роскошная трапева, которую она хотѣла бы раздѣлять со всѣми, чтобы тѣмъ болѣе самой насладиться ею... Да, любовный поэтъ, учитесь не увлекаться однимъ огромнымъ — оно часто только чудовищно, а не велико; учитесь не увлекаться однимъ поражающимъ, эффектнымъ, блестящимъ, яркимъ. Все истинное и великое — просто и скромно; оно цѣломудренно стыдится своего достоинства, какъ красота цѣломудренно стыдится наготы своей, и отъ-того дѣлается еще прекраснѣе. Истину, благо и красоту надо любить для нихъ-самыхъ, а не для насъ-самыхъ, — какъ внутренне-драгоценное само-по-себѣ, а не какъ пышный нарядъ, возбуждающій къ тому, кто щеголяетъ въ немъ, удивленіе и зависть толпы. Человѣкъ ослѣпный, могущественный, огромный — еще не всегда въ то же время и великій человекъ. Нѣтъ спора, что, какъ воитель, Наполеонъ не имѣетъ себѣ соперниковъ въ исторіи человечества; но въ глазахъ истинно-мудрыхъ, простой, скромный, неблестящій Вашингтонъ въ тысячу разъ болѣе всѣхъ возможныхъ Наполеоновъ имѣетъ право на имя *великаго человека*. Только невѣжественная толпа, тупая чернь и жалкое суетундіе преклоняютъ колѣни и обожествляютъ гнетущую ее наглую силу, отражающуюся на безсовѣстности, обманѣ, вѣроломствѣ

и злодѣйствѣ... Поймите дикарю фольгу и золото: онъ бросится на фольгу, потому-что она ярко блеститъ; покажите невѣждѣ бѣлый мраморъ Аполлона-Бельведерскаго и раскрашенную восковую куклу: онъ удивится куклѣ, но обратитъ вниманія на Аполлона. Увы! сколько такихъ дикарей и невѣждъ между такъ-называемыми умными, учеными, образованными и талантливыми людьми! Бойтесь, любовный поэтъ, попасть въ число этихъ людей, — и чтобы избѣжать такого несчастья, отвращайтесь всего эффеитнаго, ватунаго, ложнаго, прізрачнаго! Будьте просты и скромны, радость предпочитайте горю, веселіе — грусти, наслажденіе — страданію. Снесите все горькое мужественно и благородно, когда горе постигнетъ васъ, но не желайте, не ищите горя, подобно этимъ романтическимъ совамъ, который боится увидѣть свое достоинство *глубокихъ и высшихъ натуръ*, переставъ хоть на минуту морщиться и хныкать и предавшись веселому влеченію минуты. Смотрите на жизнь, какъ на наслажденіе, и умѣйте наслаждаться ею равною: тогда увидите вы, какъ прекрасна она, какъ много въ ней счастья и упоенія, и какъ жалки слѣпыя романтическіе клеветники жизни, которые все смотрятъ *куда-то туда*, сами не зная куда... И пусть руководятъ вами на пути жизни любовь, которая все прощаетъ, все очищаетъ, все облагораживаетъ и освящаетъ, — и смѣлый, свободный разумъ, который не боится мукъ сомнѣнія и, многимъ рискуя, много завоевываетъ для счастья... Тогда вы увидите, что можно хорошо прожить и безъ враговъ, и безъ завистниковъ, вѣ что безъ борьбы съ ними, вамъ будетъ чѣмъ наполнить свою жизнь, не дать очерствѣть чувству, погаснуть уму... Тогда, если вы будете поэтомъ, всѣя ваши будутъ не только прекрасны, но и живительны, плодородны; а если и не будете поэтомъ — что жъ! вы будете *человѣкомъ*, а это, право, стѣнитъ всякаго поэта...